

Перспективы применения социально-антропологического подхода в изучении траектории институциональных изменений в современной России

В.Э. Абелинскийте

Изучение политических и социальных процессов в любом своем виде предполагает поиск: с одной стороны — ключевых тенденций этих процессов, с другой — методологических оснований такого анализа. Именно ответы на вопросы: кто является основным актором описываемых процессов, какова взаимосвязь акторов с объектом, каким образом мы можем установить эту взаимосвязь, будут определять исследовательские представления об особенностях, итогах и последствиях таких процессов.

Методологические основания исследовательского алгоритма

Основываясь на допущении, что именно властные институты являются основой политической системы, а их трансформация — соответственно, ключевым процессом развития той или иной политической системы, мы предполагаем, что центральным участником политического процесса, а значит и актором, влияющим на траектории институциональной трансформации, является особая социальная группа — политическая элита. Институциональные основы в значительной степени определяются именно политической элитой, что обусловлено ее возможностями доступа к спектру ресурсов, в том числе законодательному и административному. Деятельность элиты в этом направлении мы будем понимать как осознанные «действия, направленные на изменение правил игры»¹. Такие установки открывают широкие возможности для анализа динамики развития различных политических систем.

Однако в этом случае открытым остается вопрос: как происходит взаимодействие институциональной структуры и политической элиты? То есть мы пытаемся понять, существует ли связь между характеристиками политической элиты и тем, как и почему изменяются властные институты. Первые мето-

¹ Григорьев Л. Спрос элит на право: «эффект трамвая» // Вопросы экономики. 2012. № 6. С. 40.

логические сложности возникают сразу же после формулирования основополагающего допущения о ключевой роли институтов (классический неоинституциональный тезис «*institutions matter*»): структурный подход как таковой не предполагает анализа влияния акторов на институциональный дизайн (скорее, даже наоборот — предполагает, что именно институты задают внешние рамки частных взаимодействий). В свою очередь, элитистская парадигма дает нам лишь общие представления об основных политических силах (главной из которых признается политическая элита) и изначально не предлагает конкретного инструментария для установления связей между процессами институциональной трансформации и деятельности этой политической элиты.

Выходом из сложившейся ситуации может стать построение отдельной неформальной каузальной модели, в основе которой будут лежать институциональные предпосылки, но ответы на ключевые вопросы будут даны с помощью социально-антропологического подхода, который позволит избежать ряда существенных недочетов, в частности, в вопросах понимания сущности политической элиты. В исследовательском и практическом смысле рассматривать политическую элиту как монолитное образование, как игрока, обладающего схожими характеристиками в любой рассматриваемой социальной общности, некорректно. Попытки универсализировать игровые и математические модели (в общем виде к таким исследованиям, в частности, относятся исследования траекторий первичной демократизации Европы Д. Асемоглу и Дж. Робинсона², обозначавших социальные группы общими терминами «богатые» и «бедные») и распространить их на исследования механизмов взаимодействия элит и институтов вне зависимости от контекста — сомнительны, т. к. не позволяют нам учесть ряд ключевых параметров, в целом определяющих склонность политической элиты к трансформации «вверенных» ей властных институтов. Не отвергая методики моделирования как таковой, мы предлагаем дополнить ее обязательным анализом характеристик акторов, которые действуют в описываемой модели. Тогда в процессе анализа институциональной трансформации мы найдем ответы на вопросы: почему принимается решение об изменении института, чем руководствуется элита, почему выбирает тот или иной путь трансформации, каковы в конечном счете итоги и последствия этой трансформации?

Анализ характеристик акторов, основанный на применении социально-антропологического подхода, позволяет использовать все преимущества данного подхода. Его общая особенность заключается в стремлении приблизиться к пониманию точки зрения участников процесса и сути изучаемых социальных феноменов. В политических исследованиях этот подход способен дополнять другие методологические установки, т. к. предлагает в определенной степени отказаться от «универсалистского понимания социальных, культурных или экономических явлений»³; в этом смысле он дает значительно больше исследовательской свободы, позволяя исследователю оставаться в рамках научной достоверности.

² Acemoglu Daron and Robinson James A. The Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

³ Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб.: Алетей, 2007. С. 6.

Применение социально-антропологического подхода к анализу генезиса и трансформации социальных институтов позволяет четко и однозначно разрешить спор структурного и актор-ориентированного подходов относительно первичности того или иного фактора: особенностей личного взаимодействия или рамок, ограничивающих пространство этого взаимодействия. Особенности институциональной трансформации определяются целым рядом факторов, среди которых социальный контекст момента формирования института, исторические изменения, но главное — комплекс факторов, связанных с деятельностью ключевого политического актора — политической элиты.

Неформальная каузальная модель: точки применения социально-антропологического подхода

Рис. 1, в наглядной форме демонстрирующий алгоритм модели, также позволяет увидеть, какие параметры модели могут стать объектами приложения социально-антропологического подхода.

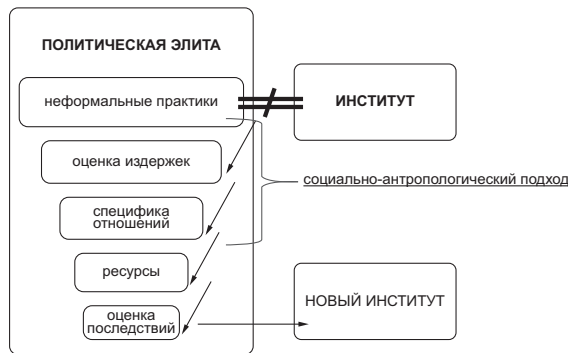

Рис. 1. Неформальная каузальная модель социально-антропологического подхода

Сущностно все эти параметры связаны со склонностью элиты принять то или иное решение, т. е. предпринимать ли усилия по изменению института или нет (в конечном счете это точка принятия решения о запуске процесса неформальной институционализации). В наибольшей степени понять эту склонность мы можем через переменную, заключающую в себе понятие неформальных практик, которое мы сознательно выделяем из общего понятия институтов. Неформальные практики в общем виде понимаемые как «устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий»⁴, существуют имплицитно в сознании участников⁵ как склонности к определенному типу перцепции реальности и определенным

⁴ Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Клемент К. и др. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСПРАН, 2006. С. 10.

⁵ См.: Scharpf F. Games Real Actors Play: Actor-Centred Institutionalism in Policy Research. Boulder, 1997.

паттернам действий⁶; «в отличие от формальных институтов ... неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции общества или свободного выбора институциональных норм участниками сделки»⁷.

В этой логике анализа выделяются две группы характеристик неформальных практик политической элиты:

– характеристики, заключающиеся в принципиальной сочетаемости неформальных практик с формальными институтами. Здесь момент приложения исследовательских усилий — анализ ситуации рассогласования между макропорядком (набором правовых норм и формальной нормативной системой) и микропорядком (неформальными поведенческими практиками)⁸, что при ряде сопутствующих обстоятельств побуждает элиту преодолевать ситуацию значительных транзакционных издержек и стремиться к конвергенции практик и норм⁹;

– характеристики неформальных практик, побуждающих представителей политической элиты к вольному обращению с формальными институтами, запускаящему механизм институциональной трансформации. Именно эта переменная при использовании социально-антропологического подхода становится ключевой, т. к. определяет целый ряд параметров, главный из которых — общая характеристика качества человеческого капитала политической элиты, предопределенная личными и профессиональными качествами членов политической элиты, мировоззренческими особенностями, их пониманием миссии политического института, который они представляют, своей роли в нем, ценностными установками и ориентацией и пр. Анализ этих факторов в комплексе или по отдельности открывает широкое поле для исследований, цель которых — понимание, почему одни элиты меняют институты, а другие — нет, что в конечном счете определяет всю социетальную конфигурацию того или иного изучаемого общества.

Российский случай: неформальная институционализация как тренд институциональной трансформации

Неформальная институционализация (термин предложен В. Гельманом¹⁰) — это процесс институционализации практик в условиях их первоначального рассогласования с формальными институтами. Ряд исследователей рассматривают этот процесс с оценочной точки зрения как «антитворчество» элит, направленное на «оправдание их ненормативных практик»¹¹. Один из наших ключевых тезисов заключается в том, что именно неформальная институционализация является основным трендом трансформации властных институтов в современ-

⁶ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 152.

⁷ Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 54.

⁸ Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Клемент К.М. и др. Указ. соч.

⁹ Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. December 2004. Vol. 2. №. 4.

¹⁰ Гельман В. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС (Политические исследования), 2003. № 4.

¹¹ Карабущенко П.Л. Антитворчество политических элит: от фальсификации истории к фальсификации самих элит // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 7. С. 228.

ной России. Причины этого процесса, особенности его протекания и в значительной мере последствия могут быть проанализированы с применением социально-антропологического подхода.

Конкретизируя алгоритм, основания для которого мы выделили ранее, можно построить следующую логику рассуждения. Традиция подмены формальных институтов неформальными практиками политической элиты возникает в 1990-х гг., когда новосформированные институты стали наполняться представителями прежней элиты («крепкими хозяйственниками»). В результате смешения новых институтов и старых неформальных практик возникают так называемые *rules-in-use*, в выражениях Элино́р Остро́м¹², или действующие правила, находящиеся на стыке формального, и практики взаимодействия внутри элиты. На тот момент было достаточно существования этих институтов в форме имплицитного знания, а не в эксплицитной и писаной форме..

Рекрутированная в конце 1990-х — начале 2000-х гг. новая политическая элита привносит во властные институты особенный стиль принятия решений (на этом этапе анализа в наибольшей степени применяется социально-антропологический подход). Эти изменения связаны с принципиальной трансформацией системы политической конкуренции, смещением фокуса от открытой конкуренции в политическом поле к конкуренции внутри элитной группы за внимание патрона, обменивающегося на лояльность. В общем виде эти характеристики сформулированы в ряде работ российских исследователей элиты¹³. Среди этих характеристик:

- четкая групповая ориентация на определенные ценности, основанные на причудливом симбиозе конъюнктурной ориентации на расширение спектра своих ресурсов, в первую очередь — материальных, и великодержавной риторики, подчеркивающей важность процесса возрождения России как сильного государства и понимания своей особой миссии в этом процессе;
- российская политическая элита практически полностью этатизирована, то есть встроена в систему государственного управления;
- состоит по большей части из кланов, отличающихся в терминах Гидденса¹⁴ иерархической структурой, определенной системой совмещения формальных должностей и внутригруппового статуса, непостоянным членством, наличием некоторых моральных принципов и общих интересов, связывающих группу;
- характеризуется непубличностью и предельной закрытостью;
- группа чрезвычайно замкнута, но стремится к экспансии в новые области элиты, например в советы директоров предприятий с государственным участием. Эту тенденцию можно сформулировать в терминах «власти-собственности», развитой Нуреевым;

¹² Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions // Public Choice. 1986. № 48. P. 3–25.

¹³ См.: Крыштановская О. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. № 4. С. 3–39; Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // ПОЛИС. Политические исследования, № 5. 2009. С. 149–157; Дука А. «Элита» и элита: понятие и социальная реальность // Общество и экономика. 2008. № 6. С. 132–146; Васильева Л.Н. Элита или эрзац-элита: политическое будущее России // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 91–102.

¹⁴ См.: Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

– между членами группы существует широкий консенсус относительно целей группы. Основа этого консенсуса — сохранение политического, административного и финансового ресурсов группы при ориентации на сохранение статус-кво или дальнейшее расширение сферы своих полномочий;

– у российской политической элиты есть доступ к различного рода ресурсам (и самому главному ресурсу — системе принятия решений), который позволяет ей изменять институциональный дизайн в соответствии с собственным стилем.

Следующим этапом анализа является оценка издержек от существования института в неизменном виде и выявление необходимого и достаточного спектра ресурсов для процесса трансформации. Обозначенный ранее тезис о наличии широкого спектра ресурса у политической элиты в современной России позволяет давать на эти вопросы вполне однозначные ответы. Важным аспектом на этом этапе является идея о том, что каждый успешный случай трансформации института в собственных интересах увеличивает возможности успешных исходов в будущем.

Поле применения обозначенного алгоритма к анализу трансформации властных институтов достаточно широко. В частности, можно применить алгоритм для анализа изменения условий функционирования органов, представляющих ключевые институты: Президент РФ, Правительство РФ и Федеральное собрание в части изменений регламента их деятельности.

В 2003 г. произошли изменения в регламенте Государственной думы, среди прочего определяющего порядок формирования Совета Думы. Изменения в регламенте выводят из состава Совета руководителей фракций, заменяя их заместителями председателя Думы. Кроме того, изменение принципа занятия должности председателя Думы, допускающего совмещение данной должности со статусом руководителя фракции, привело к правовым образом закреплённому сращиванию административно-организационных функций и политических целей. Данные процессы коренным образом изменили принцип коллегиального контроля со стороны депутатских объединений над организационной и распорядительской деятельностью выборной администрации Думы¹⁵.

Другой пример — рост влияния аппарата правительства. Аппарат в этом случае выступает как орган, обеспечивающий сопровождение деятельности правительства, формирующий проекты повестки заседаний правительства и осуществляющий контроль исполнения его решений. Также аппарат имеет большое значение как структура, обеспечивающая параллельную лояльность лично председателю правительства в обход остальных его подчинённых — министерств и их глав. Это отражается прежде всего в практике подготовки служебных записок по различного рода вопросам, решениям, проектам, подготовленным министерствами и департаментами, именно в аппарате правительства. Кроме того, к этому же периоду относится возобновление деятельности президиума правительства в целях закрепления высокого статуса наиболее влиятельных акторов.

¹⁵ Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. М.: Материк, 2007.

И наконец, это эволюция администрации президента от органа, выполняющего функции канцелярии и секретариата, к институту, определяющему обеспечение государственной кадровой политики в президентских и исполнительных структурах и реализацию президентского контроля над исполнительной властью, т. е. обладающему контрольными полномочиями.

Таким образом, для России процесс неформальной институционализации становится механизмом изменения институтов государственной власти, наиболее соответствующим характеристикам всех переменных — от внутригрупповых установок до необходимого объема властных и иных ресурсов для трансформации формальных институтов (законов и подзаконных актов) в соответствии с неформальными практиками.

Обозначенные процессы позволяют сделать общий вывод, основные принципы которого основаны на применении социально-антропологического подхода: властные институты, несомненно, являются ключевыми факторами в протекании политических процессов и разворачивании социальной динамики в целом, однако особенности функционирования и возможные тенденции в трансформации конкретного института заданы не его структурой, а людьми, наполняющими этот институт.